

РЕШЕНИЕ

Совета Адвокатской палаты Санкт-Петербурга по дисциплинарному производству № в отношении адвоката М.

23.07.2024

г. Санкт-Петербург

Совет Адвокатской палаты Санкт-Петербурга (далее также – Совет АП СПб и АП СПб, соответственно) в составе президента АП СПб Тенишева В.Ш. (председатель), вице-президентов АП СПб Пановой В.С., Пашинского М.Л., Семеняко М.Е., Тимофеевой Т.В., членов Совета Зеленского А.В., Кучеренко И.М., Манкевича А.Е., Пальмского А.А., Подпригоры Д.А., Пономаревой Н.В., Розова Ю.В., Саськова К.Ю. (участвовали очно), члена Совета Чангли А.И (участвовал дистанционно посредством использования сервиса видеоконференций «SberJazz») в соответствии с положениями ст.ст. 24, 25 Кодекса профессиональной этики адвоката (далее также – КПЭА), рассмотрев 23.07.2024 в закрытом заседании дисциплинарное производство в отношении адвоката М. (регистрационный номер № в реестре адвокатов Санкт-Петербурга), возбуждённое 18.09.2023 президентом АП СПб Тенишевым В.Ш.,

установил:

поводом для возбуждения дисциплинарного производства в отношении адвоката М. послужила жалоба Р.Е.В., поступившая в АП СПб 29.08.2023; в Квалификационную комиссию АП СПб (далее – Квалифкомиссия) материалы дисциплинарного дела поступили 26.09.2023.

Из жалобы Р.Е.В. следует, что 12.07.2023 в 02.45 час она была задержана сотрудниками полиции за совершение административного правонарушения; был составлен протокол АП № от 12.07.2023, и Р.Е.В. привлекли к административной ответственности за совершение административного правонарушения, предусмотренного ч. 1 ст. 20.20 КоАП РФ.

По мнению Р.Е.В., без каких-либо оснований она была подвергнута жестокому обращению со стороны сотрудников полиции: ей на руки надели наручники и в лицо брызнули слезоточивым газом, что позднее было зафиксировано врачами скорой помощи.

Во второй половине дня 12.07.2023 в отношении Р.Е.В. было возбуждено уголовное дело (ч. 1 ст. 318 УК РФ), и в качестве защитника по назначению около 18 час. в отдел полиции приехала адвокат М.

Заявитель считает, что адвокат М. ввела её в заблуждение, уговорив в один день подписать документы, составленные сотрудниками полиции; не разъяснила процессуальные права, в том числе право пригласить защитника по соглашению; не ходатайствовала о назначении экспертиз; не проявляла процессуальной активности, то есть не доказывала невиновность Р.Е.В., а также не оспаривала документы об административном правонарушении.

Р.Е.В. считает, что адвокат М. нарушила её право на защиту, поскольку не разъяснила права на приглашение адвоката по соглашению, не разъяснила право на заявление ходатайств и возражений, право на ознакомление с материалами уголовного дела, в связи с чем Р.Е.В. 12.07.2023 подписала и протокол ознакомления с материалами дела, но фактически эти материалы не читала.

Также, по мнению Р.Е.В., адвокат М. нарушила и нормы адвокатского законодательства: ст. 5, подп. 1 ст. 8, ст. 9 КПЭА, а также нормы Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» (далее – Закон об адвокатуре).

16.07.2023 Р.Е.В. заключила соглашение с другим адвокатом, который разъяснил ей все процессуальные права, но реализовать их на досудебной стадии судопроизводства в августе 2023 г. она не смогла, так как расследование дела было уже завершено.

К жалобе заявителем приложен ряд документов.

29.09.2023 Р.Е.В. представила дополнения к своей жалобе, в которых она повторно утверждает о нарушении адвокатом М. её (Р.Е.В.) прав и дополнительно указывает о нарушениях, допущенных сотрудниками полиции при составлении процессуальных документов об административном правонарушении, в том числе о неверно указанном времени отдельных действий.

Кроме того, Р.Е.В. полагает, что имеющаяся от её имени подпись в протоколе допроса её в качестве подозреваемой, ей не принадлежит, и эту подпись поставили либо следователь, либо адвокат М., что подтверждается заключением экспертизы.

В материалах дела отсутствует медицинская справка о побоях полицейского Кириллова, данным фактом адвокат М. должна была воспользоваться для защиты прав Р.Е.В.

В дополнениях указывается, то у Р.Е.В. имеется флэш-карта с записью её беседы со следователем (без указания даты); в ходе этой беседы следователь оказывает на Р.Е.В. незаконное психологическое давление при оформлении расписки. Именно такая незаконная тактика давления применялась следователем и 12.07.2023, когда она начала выполнение следственных действий ещё до приезда адвоката М.

Р.Е.В. отмечает, что ознакомление с материалами уголовного дела – 160 листов – происходило в течение 7 минут, что зафиксировано в протоколе, что фактически невозможно.

Просит привлечь адвоката М. к дисциплинарной ответственности.

К дополнениям прилагаются копии ряда документов.

Адвокат М. предоставила объяснения по существу жалобы и дополнений к ней.

В своих объяснениях адвокат М. пояснила, что действительно 12.07.2023 в 19.34 час. она приняла заявку на защиту Р.Е.В. по уголовному делу по назначению в порядке ст. 51 УПК РФ в СО ГСУ СК РФ по Колпинскому району г. Санкт-Петербурга и прибыла в отдел, где в 19:40 час. выписала ордер. Следователь сначала ознакомил её с постановлением о возбуждении уголовного дела и постановлением о создании следственной группы, после чего предоставил возможность конфиденциально побеседовать с подзащитной Р.Е.В.

Она, как защитник, разъяснила Р.Е.В. все процессуальные права, в том числе и право на приглашение адвоката по соглашению, последствия признания вины, положения ст. 51 Конституции РФ, положения ст.ст. 46, 47 УПК РФ.

Р.Е.В. подтвердила, что признает вину полностью, то есть не оспаривала время, место совершения преступления, способ и количество ударов, нанесенных ею сотруднику полиции.

При этом Р.Е.В. больше всего интересовало, когда её отпустят домой, так как она очень устала, и дома её ожидает мать, за которой она осуществляет уход ввиду имеющегося у матери психического заболевания. Поэтому Р.Е.В. просила как можно быстрее приступить к выполнению необходимых следственных действий и, по возможности, всё закончить в этот же день, чтобы больше не приезжать. На состояние своего здоровья она не жаловалась, просьб вызвать ей врача для оказания медицинской помощи не было.

Доводы Р.Е.В. о нарушениях, допущенных при составлении протокола об административном правонарушении (далее – ПоАП) и объяснениях, не имеют отношения к деятельности защитника по уголовному делу. Проверка правильности и законности составления ПоАП не связана напрямую с расследованием уголовного дела и не входит в обязанность адвоката по уголовному делу.

Адвокат М. не согласна с доводами Р.Е.В. о том, что она, как защитник, на предварительном следствии заняла позицию, противоречащую интересам подзащитной и, тем самым, вынудила дать её признательные показания. Адвокат считает, что эти доводы противоречат имеющимся фактам, поскольку в материалах уголовного дела имеется объяснение Р.Е.В., в котором она ещё до возбуждения уголовного дела признаёт полностью свою вину в совершении противоправных действий, поясняет обстоятельства конфликта с потерпевшим – сотрудником полиции, указывает механизм нанесения ударов потерпевшему и их количество.

Адвокат отмечает, что доводы Р.Е.В. о нарушениях, допущенных при составлении ПоАП, не имеют отношения к её деятельности в качестве защитника по уголовному делу. Проверка правильности и законности составления ПоАП не связана напрямую с расследованием уголовного дела и не входит в обязанность адвоката по уголовному делу. При этом факт нарушения при составлении ПоАП был адвокатом выявлен, но по тактическим причинам до судебного разбирательства она намеренно не акцентировала внимание на этих нарушениях, так как предполагала использовать их в интересах Р.Е.В. в дальнейшем, а именно в суде. Адвокат считает, что даже при исключении данного процессуального документа на стадии предварительного следствия квалификация инкриминируемого Р.Е.В. деяния, не могла быть изменена.

В объяснениях адвоката указывается, что довод Р.Е.В. о якобы сфальсифицированной её подписи в протоколе следственных действий является голословным. Ни в жалобе, ни в дополнениях к ней, ни в приложениях не имеется никаких безусловных, достоверных данных о том, что именно адвокат сделала какие-либо приписки и выполнила подписи от имени Р.Е.В.; в прилагаемом к жалобе заключении специалиста имеется только вероятностный вывод о том, что подписи от имени Р.Е.В. выполнены не ею. При этом каких-либо заключений специалистов или иных исследований, достоверно подтверждающих выполнение подписей от имени Р.Е.В. именно ею (адвокатом М.), не представлено. Адвокат настаивает, что никогда не подписывала процессуальных документов за своих подзащитных, а утверждение Р.Е.В. является оскорбительным.

Доводы об отсутствии в материалах дела медицинской справки в отношении потерпевшего также безосновательны, поскольку, по мнению адвоката, данное обстоятельство не влияло на позицию защиты на момент окончания предварительного следствия. Р.Е.В. на тот момент полностью признавала свою вину, не оспаривала количество ударов, которые она нанесла потерпевшему, не оспаривала локализацию нанесённых ударов.

В связи с тем, что удары, произведённые Р.Е.В., не имели каких-либо физических последствий для потерпевшего, то медицинского освидетельствования потерпевшего не требовалось.

Адвокат обращает внимание, что в своей жалобе Р.Е.В. указала на нарушение на предварительном следствии её прав, «предусмотренных ст. 48 УПК РФ»; однако данная статья УПК РФ регулирует права законных представителей несовершеннолетнего подозреваемого и обвиняемого. При этом Р.Е.В. не является несовершеннолетней, законные представители для участия в уголовном деле для защиты прав Р.Е.В. не привлекались.

Относительно доводов жалобы Р.Е.В. о невозможности её ознакомления за 7 минут со 160 листами уголовного дела адвокат поясняет, что в протоколе от 12.07.2023 об уведомлении обвиняемой и её защитника об окончании предварительного следствия действительно указано время составления протокола с 19.50 до 19.57 час., но это время составления именно данного протокола.

При этом адвокат поясняет, что исключительно по настоянию Р.Е.В., которая очень торопилась, следователь именно 12.07.2023 привела в порядок материалы уголовного дела, т.е. подшила и пронумеровала их, после чего адвокат вместе с Р.Е.В. ознакомились с материалами уголовного дела 12.07.2023 с 20.10 час. до 21.20 час., что отражено в

протоколе ознакомления с материалами уголовного дела и подписано Р.Е.В. Материалы дела были сфотографированы адвокатом в необходимом объёме.

Какого-либо письменного отказа Р.Е.В. от услуг адвоката М. в материалах дела не имеется.

Адвокат указывает, что ни до начала работы с Р.Е.В., ни во время следственных и процессуальных действий Р.Е.В. не высказывала намерения заявить отвод адвокату М. и пригласить защитника по соглашению.

Как известно из информации с сайта Колпинского районного суда г. Санкт-Петербурга, в настоящее время уголовное дело в отношении Р.Е.В. рассмотрено и прекращено в связи с назначением судебного штрафа, что подтверждает факт признания ею в суде вины в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 318 УК РФ в полном объёме, раскаяния, принятия мер к заглаживанию своей вины.

Адвокат М. просит дисциплинарное производство прекратить, жалобы Р.Е.В. оставить без удовлетворения.

К объяснению приложены распечатки из АИС и с сайта Колпинского районного суда г. Санкт-Петербурга.

В соответствии с заключением Квалифкомиссии от 25.01.2024 дисциплинарное производство в отношении адвоката М. необходимо прекратить вследствие отсутствия в действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре и (или) КПЭА (подп. 2 п. 9 ст. 23 КПЭА).

Участники дисциплинарного производства письменных заявлений, в которых выражены несогласие с заключением Квалифкомиссии или его поддержка, в Совет АП СПб не направляли.

Участники дисциплинарного производства о назначении разбирательства в Совете АП СПб на 23.07.2024 были извещены надлежащим образом.

Заявитель Р.Е.В. на заседание не явилась, о причинах неявки не сообщила, представителя не направила, об отложении слушания дела не ходатайствовала.

Адвокат М. на заседание не явилась, сообщила о своей профессиональной занятости, просила рассмотреть дисциплинарное дело в её отсутствие.

Совет АП СПб, изучив материалы дисциплинарного производства, обсудив заключение Квалифкомиссии, приходит к следующему.

Квалифкомиссией было установлено, что 12.07.2023 в 02.45 час. Р.Е.В. была задержана сотрудниками полиции за совершение административного правонарушения; был составлен протокол АП № от 12.07.2023 и Р.Е.В. привлечены к административной ответственности за совершение административного правонарушения, предусмотренного ч. 1 ст. 20.20 КоАП РФ.

В этот же день в отношении Р.Е.В. было возбуждено уголовное дело (ч. 1 ст. 318 УК РФ) и вызван защитник по назначению в порядке статьи 51 УПК РФ.

Адвокат М. 12.07.2023 в 19.34 час. через АИС «Адвокатура» приняла заявку на защиту Р.Е.В. по уголовному делу по назначению в порядке ст. 51 УПК РФ в СО ГСУ СК РФ по Колпинскому району г. Санкт-Петербурга и прибыла в отдел, где в 19:40 час. выписала ордер.

Квалифкомиссия отметила, что заявителем Р.Е.В. не представлено никаких письменных доказательств того, что она в ходе предварительного следствия отказывалась от услуг адвоката М. и выражала намерение пригласить адвоката по соглашению.

При этом в протоколах процессуальных действий имеется подпись Р.Е.В. о разъяснении ей процессуальных прав и отсутствуют записи о каких-либо её заявлениях и ходатайствах, в том числе и об отказе участвовать в следственных действиях с адвокатом по назначению.

Квалифкомиссия не нашла законных оснований для оценки доводов жалобы о неказании адвокатом М. юридической помощи Р.Е.В. по административному правонарушению, поскольку адвокат М. была вызвана в следственные органы для защиты прав Р.Е.В. по уголовному делу, а нормы административного производства не предполагают обязательного участия адвоката по назначению.

Квалифкомиссия пришла к выводу, что доводы заявителя о том, что адвокат М. склонила её к самооговору и признанию вины в инкриминируемом преступлении, не нашли своего подтверждения и опровергаются признанием Р.Е.А. своей вины в судебном разбирательстве по данному делу, что позволило суду принять решение о назначении Р.Е.А. судебного штрафа без вынесения приговора.

Квалифкомиссия заключила, что доводы жалобы о возможной подделке адвокатом М. записей и подписей от имени Р.Е.В. в протоколе допроса подозреваемой 12.07.2023 носят предположительный характер, а заключение специалиста не может являться безусловным доказательством причастности адвоката М., к выполнению подписей от имени Р.Е.В. Заключение специалиста содержит вероятностный вывод, а специалист не был предупреждён об уголовной ответственности за дачу заведомо ложного заключения.

Квалифкомиссия отметила, что рассмотрение дисциплинарного производства основано на презумпции добросовестности адвоката, обязанность опровержения которой возложена на заявителя, – он должен доказать те обстоятельства, на которые он ссылается как на основания своих требований; применительно к настоящему дисциплинарному разбирательству обязанность опровержения позиции адвоката М. возложена на автора обращения Р.Е.В., однако доказательств, опровергающих позицию адвоката и подтверждающих выдвинутое дисциплинарное обвинение, заявителем не было представлено.

С учётом изложенного Квалифкомиссия признала презумпцию добросовестности адвоката М. не опровергнутой и не нашла её вины в ненадлежащем исполнении своих профессиональных обязанностей; Квалифкомиссия заключила, что в действиях (бездействии) адвоката М. не имеется нарушений положений Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и КПЭА.

С такими выводами Квалифкомиссии Совет АП СПб согласиться не может.

В соответствии с п. 14 ст. 23 КПЭА: «Заключение комиссии должно быть мотивированным и обоснованным и состоять из вводной, описательной, мотивировочной и резолютивной частей... Описательная часть заключения должна содержать указание на предмет жалобы или представления (обращения), объяснения адвоката. В мотивировочной части заключения должны быть указаны фактические обстоятельства, установленные комиссией, доказательства, на которых основаны ее выводы, и доводы, по которым она отвергает те или иные доказательства, а также правила, предусмотренные законодательством об адвокатской деятельности и адвокатуре, настоящим Кодексом, которыми руководствовалась комиссия при вынесении заключения».

Заключение Квалифкомиссии может быть признано таковым, если Квалифкомиссия при его вынесении исходила из материалов дисциплинарного дела, рассмотренных в её заседании, сделала выводы, основываясь на установленных ею фактах, и правильно применила правила, предусмотренные законодательством об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая КПЭА.

Требование о мотивированности заключения Квалифкомиссии также означает, что оно должно содержать мотивы принятого решения по всем его аспектам, касающимся предмета дисциплинарного разбирательства.

По смыслу приведённых выше взаимосвязанных положений КПЭА Квалифкомиссия должна проанализировать все выдвинутые заявителем дисциплинарные обвинения, а также содержащиеся в жалобе доводы заявителя, и в случае их отклонения – указать в

заклучении, почему они являются неправильными или несущественными, какими доказательствами опровергаются.

Между тем заключение Квалифкомиссии от 25.01.2024 данным требованиям не отвечает, выводы Квалифкомиссии сделаны на основании неполно установленных ею фактических обстоятельств и недостаточно мотивированы в заключении.

В своём заключении Квалифкомиссия анализирует доводы, содержащиеся в основной жалобе и дополнении к ней от 29.09.2023.

Между тем в материалах дисциплинарного производства имеются ещё два дополнения заявителя к своей жалобе – от 13.11.2023 (л.д. 51 – 53) и от 11.12.2023 (л.д. 125 – 126).

Таким образом, доводы заявителя исследованы Квалифкомиссией не полно.

Совет АП СПб придерживается мнения, что заявитель вправе дополнять доводы первоначальной жалобы, если они связаны с описанными в первоначальной жалобе обстоятельствами. Руководствуясь принципом процессуальной экономии, возбуждения нового дисциплинарного производства в этом случае не требуется. Главное – чтобы адвокат, в отношении которого возбуждено дисциплинарное производство был ознакомлен с этими доводами и имел достаточно времени для представления возражений.

Совет АП СПб обращает внимание, что ранее Квалифкомиссия также придерживалась такого подхода. Например, дисциплинарное производство № 209/2022 в отношении адвоката М. было возбуждено 27.12.2022. Впоследствии от заявителя Д. поступили дополнения от 18.01.2023 от 08.03.2023, и они были приняты Квалифкомиссией, а содержащиеся в них доводы рассмотрены и оценены.

Такая же подход был применён Квалифкомиссией в дисциплинарном производстве № в отношении адвоката Г.

Совет АП СПб отметит, что в последнем из дополнений заявитель указывает на следующие важные обстоятельства.

Заявка на защиту Р.Е.В. была распределена адвокату М. 12.07.2023 в 19.34 час.

Согласно прилагаемым документам:

- в период с 18.05 по 18.52 час. был составлен протокол допроса в качестве подозреваемого, который адвокат М. подписала, не участвуя в данном следственном действии, данные об ордере и номере удостоверения в протоколе отсутствуют;

- в 19.00 час. было вынесено постановление о привлечении в качестве обвиняемого, которое М. подписала, не участвуя в данном следственном действии;

- в 19.15 час. начат допрос Р.Е.В. в качестве обвиняемой, который окончен в 19.41 час. Сведения об ордере и номере удостоверения были внесены в протокол постфактум.

Соответственно, адвокат М. подписала документы о проведении с её участием следственных действий, в которых она участие не принимала.

Эти доводы заявителя требуют тщательной проверки, поскольку они, в случае их подтверждения, могут повлиять на выводы относительно и иных доводов жалобы, в частности:

- о явке адвоката после проведения допроса;

- об отсутствии конфиденциальной беседы с подозреваемой Р.Е.В до начала следственных действий;

- о невыполнении адвокатом обязанности разъяснить право пригласить защитника по соглашению;

- о невыполнении адвокатом обязанности разъяснить, в чём заключается сущность обвинения и права предоставить доказательства невиновности;

- о подписании адвокатом М. процессуальных документов «задним числом».

В силу положений п. 4 ст. 24 КПЭА: *«Совет при разбирательстве не вправе пересматривать выводы комиссии в части установленных ею фактических обстоятельств, считать установленными не установленные ею фактические обстоятельства, а равно выходить за пределы жалобы, представления, обращения и заключения комиссии».*

При таких условиях Совет АП СПб лишён возможности принять по дисциплинарному производству законное решение.

Совет АП СПб полагает, что по дисциплинарному производству необходимо новое разбирательство в Квалифкомиссии с учётом замечаний, изложенных в настоящем решении.

Совет АП СПб приходит к выводу о необходимости направления дисциплинарного производства в отношении адвоката М. в Квалифкомиссию для нового разбирательства, в ходе которого Квалифкомиссии надлежит обсудить замечания, изложенные в настоящем решении, полно, всесторонне и достоверно установить фактические обстоятельства дела, дать им надлежащую юридическую оценку, а также мотивировать свои выводы относительно каждого дисциплинарного обвинения, выдвинутого против адвоката заявителем.

На основании изложенного, руководствуясь подп. 9 п. 3 ст. 31 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ» и подп. 5 п. 1 ст. 25 Кодекса профессиональной этики адвоката, Совет Адвокатской палаты Санкт-Петербурга **единогласно**

решил:

дисциплинарное производство № в отношении адвоката М. (регистрационный номер № в реестре адвокатов Санкт-Петербурга) направить в Квалификационную комиссию АП СПб для нового разбирательства.

Президент
Адвокатской палаты Санкт-Петербурга

Тенишев В.Ш.